

Катерина Мурашова

Ресурсы

Молодая, худенькая женщина плакала, держа на руках младенца. Это было много лет назад, но я ее запомнила. Я тогда только начинала работать и, конечно, каждый яркий случай запоминался много лучше, чем сейчас.

Смешно прозвучит из уст психолога, но я как-то не очень умею утешать. Да и ее слезы не были похожи на истероидный запрос: ну вы же видите, как я несчастна, утешьте меня скорее!

«Может быть, ей просто негде поплакать?» — думала я и по привычке, оставшейся от научной работы, строила гипотезы:

- ребенок на ее руках неизлечимо болен,
- семейная ссора, особенно тяжело переживаемая кормящей матерью,
- послеродовая депрессия...

История Ларисы оказалась простой и щемящей.

Вышла замуж по молодой и задорной любви, на третьем курсе технического института, сразу легко родила сына Ваню, радостно играла в него, как в куклу, сама в охотку шила младенческие обновки (перестройка, в магазинах ничего не было), мать и муж помогали, но она и сама справлялась. Когда почти сразу после родов забеременела еще раз («А как же говорят, что, пока кормят, не беременеют?» — несколько растерянно спросил муж), вопросов не возникало — все равно она изначально хотела не одного ребенка. Родила второго мальчика, назвала Семеном. Стало еще веселее: малышки строили невероятно забавные отношения между собой, наблюдать за этим можно было бесконечно. Они много смеялись, гуляли, ходили в походы — муж подхватывал одного ребенка, она — другого, друзья помогали управляться с вещами. Да и много ли в перестройку было вещей? Переноски для малышей она сшила из старых своих и мужниных джинсов, пристрочив к ним ремни из корсажной ленты. Впереди, из задних карманов, торчали бутылочка, соска, самодельная погремушка.

Муж хватался за любые работы. В перестройку встали все основные питерские заводы и найти инженерную работу было практически невозможно. Она раздумывала — закончить институт или, отдав детей в сад, тоже пойти работать, чтобы денег стало хоть чуть-чуть побольше? В это время вдовая мама Ларисы, насмотревшись на семейное счастье дочери, вдруг решила, что и ей еще не поздно ухватить свой кусок, воссоединилась с бывшим одноклассником и уехала с ним фермерствовать в Рязанскую область.

А Лариса опять забеременела. Очень хотелось дочку. Муж сказал: мне

кажется, хватит, но вообще — как ты решишь. Она решила рожать. Дети — это так здорово! Но беременность оказалась тяжелой, роды — не очень удачными и закончились срочным кесаревым сечением.

Бабушка забрала к себе на ферму старшего Ваню. Он сразу стал с непривычки тосковать по брату и матери и болеть, один раз даже вызывали скорую. Она ехала по осенним дорогам перестроечной России четыре с половиной часа. После этого случая Лариса попросила привезти Ваню назад. Мать осталась со скотиной, а ее сожитель привез мальчика на машине. Братья обнялись и почти сутки объятий не размыкали.

Много забот свалилось на мужа, он начал сначала ворчать, а потом и возмущаться: мы так не договаривались! Я работаю, мне нужно высыпаться, нормально есть и вообще как-то жить за пределами всех этих горшков и пеленок. Бледная как тень, шатающаяся от слабости Лариса старалась побольше взять на себя, но у нее плохо получалось. Пропало молоко, на дешевых смесях (на дорогие не хватало денег) у дочки Кати стало пучить животик, она вообще перестала спать.

Муж сказал: знаешь, мне это как-то все надоело. Ты стала какая-то неженственная, истеричная, меня вообще не замечаешь. Наверное, ты меня разлюбила. Мне с тобой тяжело и неинтересно. Наверное, я тебя тоже разлюбил. А зачем же жить без любви? Пойду-ка я отсюда.

И ушел. И стал жить с какой-то женщиной. Надо думать, опять весело и интересно. И исправно платил алименты со своей небольшой «белой» зарплаты. Иногда заходил «в гости» и приносил мальчикам по шоколадке или по дешевой пластмассовой машинке. А Лариса осталась с детьми в родительской трехкомнатной хрущевке. Ване — 4,5 года, Семену — 3,5, Кате — 8 месяцев.

— ...Профессии у меня нет, институт не закончен, да и кому сейчас нужны инженеры?! Просто устроиться на работу в какой-нибудь магазин или ларек? Но куда деть

Катю и кто возьмет на работу женщину с тремя маленькими детьми? Можете меня осуждать, но однажды я даже подумывала о том, чтобы сдать Катю в дом малютки. Потом, правда, поняла, что не смогу.

— Ресурсы, — подумав, сказала я. — Все, что есть. Перечисляйте.

— Ничего нет, — снова заплакала было Лариса, но теперь уже я протестующе махнула рукой:

— Хватит! Не вешайте мне лапшу на уши. Думайте и говорите. В вашей ситуации придется использовать абсолютно все. Без малейших исключений.

Общие друзья все дружно заклеямили ушедшего мужа, но и от многодетной Ларисы шарахнулись: у человека, конечно, горе, жизнь рухнула,

но чем тут поможешь? Мужа не вернешь, детей себе не возьмешь. А на стороне Лариса вообще стесняется говорить, что ее муж бросил с тремя детьми: стыдно.

— Люди боятся чужих несчастий не только из собственной недоброты, суеверия и прочего, но и из того, что обычно не знают, как и чем конкретно помочь. А им не говорят — традиций-то считай не осталось. Впрочем, у вас и несчастий-то никаких нет, так — трудности жизни. (Имея дело с родителями в том числе и больных детей, я уже знала: диагнозы, определения часто в корне меняют ситуацию.)

— Трудности? — Лариса подняла опущенную голову.

— Ну разумеется. Все живы-здоровы. Давайте список друзей и хороших приятелей.

Список получился оптимистично длинный.

— У каждого запросите по полдня раз в две недели, — сказала я. — Они согласятся, им даже интересно будет. Потенциальные пары могут приходить и сидеть с детьми вместе — пусть тренируются. Но детей надо будет выдрессировать, чтобы оставались с чужими...

— Они у меня общительные и неизбалованные, если мальчиков не разлучать, они будут...

— Ну вот и славно. Поехали дальше.

Еще из ресурсов нашлись очень старая и почти слепая прабабушка — мама покойного отца Ларисы, некое пособие, которое полумертвое государство все же платило на трех детей, алименты, продукты, которые иногда присылала бабушка-фермерша, какие-то немцы из Гамбурга, приславшие в борющуюся за демократию Россию посылку с колбасой и постельным бельем (посылку притащил Ларисе сосед, сидящий на этой самой немецкой благотворительности), одна комната в трехкомнатной квартире, которую можно сдать чистоплотной студентке за гроши и услуги, и умение самой Ларисы сноровисто шить и вышивать симпатичные вещи для детей.

— За месяц задействовать все перечисленное и прийти ко мне с отчетом, — велела я.

Лариса довольно бодро подхватила сомлевшую Катю и уже почти ушла, но на пороге обернулась:

— А что мне сыновьям-то сказать?

— Да что хотите, лишь бы правду, — отмахнулась я.

* * *

Через месяц Лариса уже не плакала, а улыбалась.

— Самый ценный ресурс оказался знаете какой?

— Какой же?

— Моя бабушка.

— Неужели слепая смогла с детьми сидеть? Не опасно?

— Нет, конечно. Она мне спокойно так рассказала, как после войны у них в деревне каждая вторая женщина осталась в таком же положении, как я. Причем без водопровода, без газа и почти без продуктов в магазине. У нее самой пятеро детей было. Мой папа — младший, ему в июне 1941-го два года исполнилось.

— Угу, это ресурс, причем надолго, — согласилась я.

— Подруги и даже друзья охотно остаются с детьми, — сказала Лариса. — Некоторые даже чаще готовы, но я отказываюсь. У двух родители готовы мальчиков раз в месяц с ночевкой брать — они их любят и типа во внуков поиграть. Это как?

— Раз в месяц? Пока нормально. Вы хоть с Катей спокойно позанимаетесь. Немцам ответное благодарственное письмо написали? Фотку с детьми вложили?

— Конечно! От них уже даже посылка с молочной смесью и детскими вещами пришла. Всё на вырост и такое хорошенькое! И еще одна идет — от их соседей, у которых у самих двое детей. Они, по-моему, очень обрадовались, что им ответил живой настоящий человек. Пишут, что все, кто посылал посылки в Россию, вкладывали свой адрес, и только двое ответили: я и еще старичок-инвалид какой-то, чуть ли не участник войны.

Сшитые Ларисой на пробу вещи согласилась продавать на рынке небольшая артель, у которой там были торговые точки. Деньги небольшие, но сказали, что если вышивать по их уже готовым вязаным изделиям, то будет больше.

Студентка, которой Лариса сдала маленькую комнатку, мальчиков побаивается, зато хорошо ладит с Катей и иногда сама просит разрешить с ней поиграть, чтобы сделать перерыв в занятиях.

— Вы должны восстановиться и заочно закончить институт, — сказала я.

— Это еще зачем? — вскинулась Лариса. — Кому эти инженеры...

— Это сейчас, — сказала я. — Но не всегда же мы будем сидеть в такой заднице. Понадобятся еще и инженеры. К тому же вам надо куда-то идти. Вы же понимаете зачем?

— Зачем?

— Вам вести за собой троих. Много лет. Как бы ни сложилось.

Лариса довольно долго молчала, потом сказала:

— Об этом я не подумала.

Когда она уходила, я спросила:

— А мальчикам-то вы что сказали?

— Я сказала, как меня бабушка научила: у нас всего мало, зато нас самих много. В этом наша сила.

* * *

— Мама сейчас ведущим инженером работает, — улыбнулся Иван. — Живет уже пять лет с хорошим человеком, но замуж чего-то опасается, хотя Семка с Катей ее уговаривают. Я-то считаю, что ей виднее. Три года назад ездил в Гамбург на стажировку и там познакомился с Генрихом и Вальтером, в шикарных вещах которых мы с братом проходили все детство. Я им так благодарен. И не только за фирменную одежду — благодаря этой истории я стал учить немецкий язык, а теперь мне это пригодилось. Английский-то сейчас многие знают, а вот немецкий... И мы с ними так классно за пивом посидели! Отличные ребята, никогда в Питере не были. Я их, конечно, пригласил.

— А ваш отец так больше и не появлялся?

— Почему же. Мы уже подростками были — что-то у него там в жизни не заладилось, явился: я хочу восстановить отношения с детьми. Принес матери цветы, нам по телефону дорогому, Кате Барби какую-то. А она у нас пацанка — с двумя-то старшими братьями, в куклы не играет. Я тоже телефон ему сразу вернул: от предателей ничего не надо. А Семка у нас жук: и телефон взял, и у матери прощения попросил, в общем, весь в шоколаде. Но отца ненадолго хватило, опять куда-то делся. Хотя вот с рождением внучки поздравил — то ли меня, то ли мать, то ли себя, — Иван с любовью взглянул на играющую на ковре толстенькую девочку. — Так что же нам делать-то с ее истериками? Наша мать не знает, говорит, что мы у нее не истерили никогда, а эту, дескать, избаловали.

— Что ж, сейчас будем разбираться, — вздохнула я...